

Пашковский Н.И.,

*Национальный университет «Одесская юридическая академия»,
заведующий кафедрой международного права и международных отношений,
кандидат юридических наук, доцент*

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО РАЗВИТИЯ И МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВОСУДИЕ: К ПОИСКУ ТОЧЕК СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 года была принята Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций, которой были определены 21 задача, направленная на достижение восьми целей развития тысячелетия (ЦРТ): ликвидировать абсолютную бедность и голод;

обеспечить всеобщее начальное образование; содействовать равноправию полов и расширению прав женщин; сократить детскую смертность;

улучшить охрану материнского здоровья; бороться с ВИЧ/СПИДом, малярией и прочими заболеваниями; обеспечить экологическую устойчивость; сформировать всемирное партнерство в целях развития.

Подготовка и принятие указанной Декларации обострило интерес к такой концепции международного публичного права - международное право развития, понятия, по мнению украинского исследователя данного вопроса Н.А. Якубовской, принятого и устоявшегося: "Факт его существования символизирует собой сознательные усилия, предпринимаемые на уровне государств, международных организаций, а также научного сообщества, направленные на сокращение масштабов бедности в развивающихся странах, а также уменьшение разрыва в уровнях развития различных регионов мира" [Якубовская Н. А. Международное право развития: эволюция концепции / Н.А. Якубовская. // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Сер.: Юриспруденція. – 2013. – №5. – С. 320].

Но ограничивается ли международное право развития только задачей уменьшения разрыва в уровнях развития различных регионов мира и связанных

с этим разрывом социальными бедами (бедностью, болезнями, смертностью и проч.)?

В науке проявляется подход, что в качестве составляющих международного права развития следует рассматривать "не только принципы и нормы международного экономического права, но и международного экологического права и международного права прав человека" [Bradlow D. Цит. по Якубовская Н. А. Международное право развития: эволюция концепции / Н.А. Якубовская. // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Сер.: Юриспруденція. – 2013. – №5. – С. 319]. Таким образом, международное право развития выходит далеко за сферу собственно экономического или социально-экономического развития и вторгается в смежные отношения существования человечества.

Возникает вопрос, может ли право (национальное или региональное международное право) быть предметом развития (т.е. предметом международного права развития), что может заключаться в деятельности, направленной на уменьшение разрыва в уровнях правового развития отдельных регионов мира.

Оставляя этот вопрос на рассмотрение с позиций компаративистики (т.к. нужно уточнить, что собой представляют уровни правового развития отдельных регионов мира, каково состояние разрывов в таких уровнях и средства, способы преодоления разрывов), предлагается сосредоточить внимание на условиях, которые должны предварять развитие, без которых развитие в принципе невозможно, и роль международного права в создании и поддержании таких благоприятных условий.

Полагаем, что одним из таких условий развития является международный мир и безопасность (как в глобальном, так и в региональном измерении).

Безусловно, что война или любой иной вооруженный конфликт, влекут не только человеческие потери, разрушение и уничтожение имущества и проч., но и сопряжены со значительными издержками, связанными с ведением военных действий (поддержание армии в боеспособном состоянии, строительство

оборонительных и иных сооружений и т.п.). По самым скромным подсчетам стоимость первой мировой войны (как непосредственные расходы на войну, так и косвенные издержки военного времени, связанные с потерей в людях и в народном хозяйстве) составляла 340 млрд. долларов золотом [Шигалин Г. И. Военная экономика в первую мировую войну [Электронный ресурс] / Г. И. Шигалин // М.: Воениздат. – 1956. – Режим доступа до ресурсу: http://militera.lib.ru/research/shigalin_gi/15.html]. По оценкам австралийского Института экономики и мира стоимость вооруженных конфликтов на Земле в 2014 году составила около 14 трлн. долларов, что составляет 13,4 % общемирового ВВП (по сравнению с 2008 годом расходы на войны увеличились на 15,3 %) [Исследование: Войны во всем мире в 2014 году обошлись в 14 трлн долларов [Электронный ресурс] // Deutsche Welle. – 2015. – Режим доступа до ресурсу: <http://dw.com/p/1FiNb>].

Безусловно, что говорить о каком-либо развитии в условиях вооруженного конфликта невозможно. И как правило, вооруженному противостоянию подвержены как раз регионы, требующие помощи в развитии. Вооруженный конфликт не решает, а наоборот усугубляет в катастрофических формах глобальные опасности, на преодоление которых направлены ЦРТ.

Поэтому процессы миростроительства и последующего разоружения (как условия снятия бремени по содержанию армии) являются предварительными условиями развития.

В этой связи важна оценка роли современного международного уголовного правосудия.

Если рассматривать международное уголовное правосудие как международный правовой механизм по пресечению международно-правовых преступлений и по привлечению виновных лиц к международной уголовной ответственности, выделяя при этом нормативный и институциональный аспекты, то следует сделать вывод о том, что не все из существующих международных уголовных судов и трибуналов связаны с ситуациями вооруженных конфликтов (например, Специальный суд по Ливану или

Чрезвычайны палаты в судах Камбоджи, последние рассматривают преступления, как в ситуации вооруженного конфликта, так и за его пределами). Но их роль в создании условий последующего развития территорий, на которые распространяется юрисдикция данных судов и трибуналов, является очень важной.

Во-первых, первоначально международные уголовные суды и трибуналы являются практически единственными органами правосудия по привлечению к ответственности лиц, виновных в совершении самих тяжких преступлений. Характер их юрисдикции, как правило, указывает на недоверие международного сообщества к сохранившимся национальным институтам уголовного правосудия и на необходимость их скорейшего восстановления.

Во-вторых, в процессе своей деятельности международные уголовные суды и трибуналы устраняют из политического процесса лиц, виновных в нарушении международного права, а поэтому представляющих угрозу для международного правопорядка (в том числе в контексте развития) в будущем.

В-третьих, в рамках международного уголовного правосудия происходит восстановление и развитие эффективного сотрудничества государства, находящегося в кризисе, с другими субъектами международного права, что должно послужить надежной опорой при реализации проектов помощи данному государству в иных сферах и его активному участию в деятельности по развитию.

В-четвертых, деятельность международных уголовных судов и трибуналов *ad hoc* в конечном итоге направлена на восстановление национальной системы уголовного правосудия (а соответствие и национального правопорядка в целом), что проявляется в последующем в передаче юрисдикции по преследованию лиц за совершение международно-правовых преступлений национальным судам.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы.

Концепция международного права развития направлена на уменьшения разрыва в уровнях развития различных регионов мира не только в экономической либо социально-экономической, но и в правовой сферах.

Важным фактором успешности реализации международного права развития является готовность определенной территории, региона к участию в программах развития, т.е. наличие определенных условий и предпосылок.

Одним из таких условий является обеспечения мира и безопасности на соответствующей территории или в регионе, на что направлены усилия в том числе международного уголовного правосудия.

Бабін Б.В.,

*Інститут законодавства Верховної Ради України,
завідувач сектору розвитку парламентаризму,
доктор юридичних наук*

МІЖНАРОДНО-ПРАВОВІ ПЕРЕДУМОВИ КВАЛІФІКАЦІЇ ЗЛОЧИНІВ ДЕПОРТАЦІЇ ЗА ЕТНІЧНОЮ ОЗНАКОЮ

Об'єктивна кримінально-правова кваліфікація такого явища, як примусова депортація етнічної групи з місцевості її традиційного проживання, на жаль, стала вкрай актуальною. Відповідну проблему досліджували насамперед історики та історики права; серед вітчизняних авторів варто вказати на відповідні фундаментальні дослідження В. І. Адамовського, Й. Е. Надольського, М. А. Сивиріна, Д. Р. Хаваджи та Р. І. Хаялі, на статті Е. Андріїва, Д. В. Антипова, А. В. Братковського, які, втім, оминають питання кваліфікації депортації, як злочинних дій.

Питання незаконної депортації етнічних груп радянською владою неодноразово ставали в Україні предметом правотворчої активності. У актах Президента та Уряду України правової оцінки відповідних дій радянської влади, як правило, не надавалося. У ст. 1 Закону України від 17 квітня 2014 р. № 1223-VII «Про відновлення прав осіб, депортованих за національною ознакою» депортацію визначено як насильницьке переселення народів,